

В.В. Кучма

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРСТВА ТРАКТАТА “DE VELITATIONE BELLICA” НОВАЯ ГИПОТЕЗА

В истории изучения трактата, вошедшего в литературу под условным наименованием “De velitatione bellica”, прослеживается любопытная закономерность. Он стал известен научной общественности в результате двух публикаций одного издателя¹, а затем на протяжении семи-восьми десятилетий почти полностью выпал из поля зрения исследователей. В начале XX в. в его судьбе произошел новый поворот, ознаменованный достаточно острой дискуссией двух признанных авторитетов в области военно-исторической традиции – Ю. Кулаковского и Р. Вари. В ходе полемики проблематика трактата (авторство, датировка, источники, теоретический уровень, практическая значимость, литературные достоинства и др.) обогатилась новыми плодотворными идеями. Однако дискуссия иссякла так же внезапно, как и возникла; последовал новый “период забвения”, простиравшийся на традиционные восемь десятилетий. По его прошествии с интервалом в один год увидели свет сразу два новейших критических издания², открывающие новый этап в изучении трактата, в том числе и в решении проблемы его авторства.

Как известно, значительную информацию об авторе можно извлечь из текста самого сочинения. В предисловии сказано, что трактат посвящен описанию особого метода маневренной войны, активно применяемого ромеями в ходе столкновений с арабами на малоазийском театре военных действий³. Император Никифор, еще будучи стратигом, с помощью данного метода наносил огромным армиям врагов сокрушительные поражения⁴. Изложив сущность метода в виде краткой письменной инструкции, Никифор распорядился дать его развернутое описание для пользы последующих поколений. Создавая настоящий трактат, автор тем самым выполняет данное ему императором поручение⁵. По ходу дальнейшего повествования автор

¹ Первое издание, осуществленное К.Б. Газе во Франции (*Leonis Diaconi Caloensie Historiae libri decem et liber de Velitatione bellica Nicephori Augusti*. P., 1819), было вскоре воспроизведено в Германии (*Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. 14. Bonnae, 1828); мы пользуемся этим последним. (Далее: *De vel. bell.*). Имеется старый русский перевод: История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на русский язык Д. Поповым. СПб., 1820; текст трактата на с. 113–163.

² *Three Byzantine Military Treatises* / Ed. G.T. Dennis. Wash. 1985; *Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicephore Phocas (963–969)* / Ed. G. Dagron, H. Mihăescu. P., 1986.

³ Данная географическая привязка трактата, презюмированная самим автором (*De vel. bell.* Pr. P. 186. 8–9), полностью подтверждается анализом используемой им топонимической номенклатуры.

⁴ *De vel. bell.* Pr. P. 185, 13–17.

⁵ *Ibid.* Pr. P. 186, 9–11.

дважды⁶ дает понять, что он располагает информацией, далеко выходящей за пределы анализируемой темы, но связан обязывающим заданием.

Анализ приведенных сообщений позволяет сделать несколько существенных выводов. Прежде всего следует решительно отвести даже теоретическую возможность допущения, что трактат мог быть написан лично императором Никифором II Фокой, хотя письменная традиция постоянно подчеркивает эту связь. Ж. Дагрон полагает, что в трактате действительно можно уловить звучание двух голосов: Никифора Фоки, инициатора подготовки данного военного руководства, и анонимного “редактора”, который этот замысел реализовал⁷. Тем не менее подлинным автором должен быть признан именно этот “редактор”; Никифору же достается роль идейного вдохновителя⁸.

Историческая ситуация, обрисованная в трактате, отстоит от времени его создания на несколько десятилетий. Трактат написан военным специалистом, входящим, вероятно, в иерархию чинов достаточно высокого ранга – может быть, на уровне стратига фемы: человеку более низкой номенклатурной принадлежности вряд ли была оказана честь прямого императорского поручения. Вполне допустимо предположение о близости автора к семье Фок. Пишущий вполне осознает масштабность и значимость выполняемой им работы: он “спасает от забвения” интеллектуальный опыт предков для передачи его потомкам. Однако, в отличие от венценосных авторов “Стратегикона Маврикия” и “Тактики Льва”, обладавших правом непосредственного обращения к главнокомандующему (а эта должность была, как известно, атрибутом императорской власти), автор анализируемого сочинения, ограниченный рамками воинской субординации, позволяет себе апеллировать лишь к чинам, не превышающим ранг фемного стратига. Исторические реминисценции, к которым он прибегает, свидетельствуют о достаточно хорошем знакомстве с военно-теоретическими трудами, на один из которых (“Тактику Льва”) есть прямая ссылка⁹, а другие упомянуты в обычной манере византийских военных писателей – в качестве сочинений “древних” предшественников¹⁰.

Когда имя автора исторического памятника оказывается неизвестным, возникает естественный соблазн приоткрыть завесу анонимности. При этом степень смелости выдвигаемых предположений находится в прямой зависимости от личностных качеств ученого. В нашем случае просто не мог не проявиться романтический исследовательский темперамент Р.Вари, которому военно-историческая наука обязана целым рядом блестящих гипотез и эвристических озарений. В 1901 г. он предложил считать автором трактата известного полководца Никифора Урана¹¹, чья военная и политическая карьера протекала на протяжении трех царствований – от Никифора II Фоки до Василия Болгаробойцы. Гипотеза Р. Вари вызвала возражения Ю. Кулаковского – исследователя, наделенного более рационалистическим, прагматическим складом научного мышления. Он предложил ограничиться лишь теми утверждениями, которые являются бесспорными: автором должен быть признан “верный сподвижник и почитатель” Никифора Фоки¹², но его анонимность расшифровке не поддается. Вероятно, под влиянием критики Ю. Кулаковского в своих позднейших публикациях Р. Вари не настаивает

⁶ Ibid. V. P. 194.8; XXI. P. 246,3.

⁷ Le traité sur la guérilla... P. 9–10, 164–165.

⁸ Впервые эта мысль была четко сформулирована М. Йенсом: *Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften: Erste Abt. München; Leipzig, 1889. S. 176.*

⁹ De vel. bell. XX. P. 241. 11–13.

¹⁰ Ibid. X. P. 208, 24 – 209.1; XVII. P. 235.4–5; XIX. P. 239.17–18; XXI. P. 245, 21–246.2.

¹¹ *Incerti scriptoris Byzantini saeculi X Liber de re militari / Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901. S. XXI–XXII.*

¹² *Кулаковский Ю. Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. Т. 10, вып. 1/2. С. 63; Стратегика императора Никифора / Изд. Ю. Кулаковский // Зап. ИАН. 1908. Т. 8, № 9. С. 25.*

вал на авторстве Никифора Урана, ограничиваясь констатацией анонимности “*De velitatione bellica*”¹³. Позиция, сформулированная Ю. Кулаковским, с течением времени приобрела характер общепринятого мнения; четверть века тому назад именно такое решение проблемы было как бы санкционировано высоким авторитетом А. Дэна¹⁴. Однако авторы новейших изданий вновь вернулись к этому вопросу. И если Ж. Дагрон напомнил, что Никифор Уран сохраняет шансы на авторство – такая гипотеза не противоречит карьере этого “серьезного кандидата”¹⁵, то Дж. Дэннис включил в круг возможных претендентов на авторство новый персонаж – Льва Фоку¹⁶, брата Никифора II, чьи блистательная военная карьера и трагическая судьба известны достаточно подробно¹⁷. В силу своей новизны и оригинальности гипотеза Дж. Дэнниса заслуживает подробного рассмотрения.

Исследователями уже давно было обращено внимание на известную некорректность в позиции автора “*De velitatione bellica*” в тех случаях, когда он называет основоположников и активных приверженцев тактики маневренной войны. Перечень исчерпывается именами Варды Фоки, его сына Никифора (будущего императора) и патрикия Константина Малейна¹⁸. Между тем углубленный анализ трактата приводит к заключению, что значительную часть информации для своих теоретических установок и выводов автор черпает в боевом опыте Льва Фоки, хотя имя последнего в трактате не упоминается ни разу. Данная коллизия оценивается Дж. Дэннисом как один из самых серьезных аргументов в пользу предлагаемой им атрибуции.

Действительно, в упоминаемых автором трактата трех значительных победах, одержанных византийцами с применением засадного метода над войсками Сейф-ад-Доула, эмира Алеппо¹⁹, основная заслуга принадлежала именно Льву Фоке. Описание этих сражений, содержащиеся в византийских (Лев Дьякон, Скилица) и арабских (Яхья Антиохийский) источниках, включают эпизоды, которым впоследствии автор “*De velitatione bellica*” придал характер императивных рекомендаций – они органически вписаны в ткань повествования и могут быть обнаружены на всем его протяжении²⁰. Следовательно, тезис о том, что боевой опыт Льва Фоки был положен в основу установок анализируемого военного руководства, сомнению не подлежит и потому разделяется нами полностью. Однако из соотнесения данного обстоятельства с фактом неупоминания имени Льва²¹ вывод об авторстве последнего не следует с логической неизбежностью – оказываются возможными и другие объяснения. Одно из них предложено французскими издателями: Лев Фока не назван потому, что был причастен к двум заговорам против Иоанна Цимисхия, за что и поплатился ослеплением в 970 г. Аргумент можно было бы признать безупречным, если бы имелись бесспорные доказательства, что трактат создан в правление убийцы Никифора. Большинство же исследователей сдвигают этот срок на период *после*

¹³ *Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur // BNGJb. Athen, 1931. Bd. 8, H. 3/4. S. 251.*

¹⁴ *Dain A. Les stratèges byzantins // TM. P., 1967. Vol. II. P. 369–370.*

¹⁵ *Le traité sur la guérilla. P. 175. Not. 31.*

¹⁶ *Three Byzantine Military Treatises. P. 140.*

¹⁷ См. об этом в обзоре Ж.-К. Шене, приложенном к изданию Ж. Дагрона и Х. Михаэску.

¹⁸ *De vel. bell. Pr. P. 185. 2–13.*

¹⁹ *Ibid. III. P. 191.15–19.*

²⁰ Подробный анализ осуществлен Дж. Дэннисом (*Three Byzantine Mil. Treatises. P. 139–140*) и Ж.-К. Шене (*Le traité sur la guérilla. P. 303 sq.*).

²¹ Обратим внимание на то, что, кроме Льва, в трактате не упомянут еще один представитель рода Фок – Константин, стратиг Селевкии, третий сын Варды, брат Никифора и Льва. В 953 г. он нанес серьезное поражение войскам Сейф-ад-Доула, применив ту же тактику, в которой были искусны его братья. Ж.-К. Шене полагает (*Le traité sur la guérilla. P. 306*), что именно этот боевой эпизод автор “*De velitatione bellica*” включил в число трех значительных побед византийского оружия над войсками эмира Алеппо (в дополнение к двум победам Льва Фоки).

смерти Цимисхия; к этому мнению присоединяется и сам Ж. Дагрон²². Но для первых лет соправления Василия и Константина (наиболее вероятного времени публикации трактата), когда фамилия Фок переживала период нового возвышения, приведенный аргумент уже не “работает”.

Мы полагаем, что главную причину упоминания Льва Фоки (как и его брата Константина) следует искать в самой специфике жанра анализируемого произведения. В конце концов трактат “*De velitatione bellica*” не семейная хроника рода Фок, и перечисление всех ее представителей не входило в обязанности автора. Действительно, боевой опыт Льва Фоки явился серьезным вкладом в развитие теории маневренной войны. Но все составные элементы этого опыта (опережение противника в занятии господствующих высот на пути движения; удар по обозу как наиболее уязвимому пункту походной колонны; одновременная атака с трех сторон с целью рассредоточения сил противника; ночной бой; предоставление противнику возможности спастись бегством и т.д.) основывались, в свою очередь, на многовековых традициях военно-теоретической мысли предшествующих эпох.

Тесная преемственность в накоплении военно-научных знаний составляет одну из существеннейших особенностей полемологии, и установление авторства отдельных ее компонентов встречает непреодолимые препятствия. Поэтому любой индекс имен в военно-теоретическом труде всегда условен – он отражает только авторский вкус, и от него напрасно требовать полноты. Разве Константин Фока меньше заслуживает упоминания в трактате, чем Константин Малейн? Почему в трактате нет имени Иоанна Цимисхия, полководца не менее удачливого, чем Никифор Фока; только ли потому, что автор работал по заданию Никифора, в гибели которого виновен Цимисхий? И почему, напротив, в трактате есть имя Варды Фоки, чей опыт применения тактики маневренной войны имеет скорее отрицательный баланс, нежели положительный? Перечень подобных вопросов может быть многократно продолжен, и на их фоне факт упоминания Льва Фоки значительно притупляется в своей остроте, утрачивает потенциал гипертрофированной доказательности, снижается до уровня ординарного недоразумения.

Решению проблемы авторства “*De velitatione bellica*” в пользу Льва Фоки препятствуют еще некоторые соображения. В предисловии к трактату сказано, что имели место случаи, когда вся армия ромеев оказывалась не в силах одолеть киликийцев и войска Хамвдана в момент их высшего могущества, но “достигал успеха один из наилучших полководцев с одной лишь фемной армией, ему подчиненной”²³. Здесь содержится явный намек на эпизод октября 950 г., когда 30-тысячное войско эмира Сейф-ад-Доула разгромило регулярную византийскую армию, возглавляемую местиком схол Вардой Фокой, но на обратном пути дважды потерпело сокрушительное поражение от стратига Каппадокии Льва Фоки, сына Варды, располагавшего весьма посредственными фемными частями, но умело применившего засадную тактику. Мог ли произнести подобный панегирик в свой собственный адрес Лев Фока, который, конечно же осознавал, что намек будет понятен любому читателю? И если да, то какая необходимость вынуждала его буквально несколькими строками ниже столь скромно оценить собственную военную квалификацию?²⁴ Автор, делящийся с читателями воспоминанием об одной из самых заветных страниц своей биографии, маскирующий ее фразой о “некоторой опытности” и одновременно превозносящий себя до уровня одного из величайших полководцев, – не слишком ли антагонистичны компоненты, чтобы соединиться в единую структуру?

²² *Le traité sur la guérilla*. P. 163, 174, 287.

²³ *De vel. bell.* Pr. P. 184.11–16.

²⁴ *Ibid.* P. 185.9–10.

Как уже указывалось, фактическая основа трактата – это обобщение опыта трех побед, одержанных над войсками эмира Алеппо. В силу неясности информации можно вносить эти победы в актив нескольких полководцев: Льва Фоки, Константина Фоки, Иоанна Цимисхия – при любых вариантах Никифору Фоке обеспечено полное алиби. Но как увязать этот факт с заявлением автора трактата, что его труд основан на письменных инструкциях Никифора? Если эти инструкции существовали, следует ли понимать, что они базировались на менее репрезентативном опыте? Могли ли взять их за основу Лев Фока – организатор по крайней мере двух из трех названных побед? При этом следует учесть, что по общему смыслу авторской информации²⁵ задание на написание трактата было получено им еще до того, как Никифор стал императором. Следовательно, последний имел еще менее оснований давать обязывающие поручения своему брату, военачальнику не менее авторитетному: напомним, что спасти честь отца и всей семьи в эпизоде 950 г. удостоился именно Лев, а не Никифор. Акцентированно панегирический тон в адрес Никифора, свойственный трактату, не императивно обязателен в устах брата; к тому же подобный пиетет мог быть скептически воспринят современниками, поскольку в жизни отношения между братьями, кажется, не были лишены элементов конкуренции. По крайней мере очевидец событий²⁶ дает понять, что Лев Фока в свое время имел большие шансы противодействовать заговору Цимисхия, если бы этого захотел. В двух же выступлениях Льва Фоки против Цимисхия, когда тот уже овладел престолом, мотив кровной мести вовсе не обязательно исчерпывал замыслы инсургента.

Значительный интерес у исследователей всегда вызывал тот раздел главы XIX трактата, где автор характеризует кризисное состояние военной организации империи и предлагает меры по преодолению этого кризиса. Как убедительно показано Ж. Дагроном²⁷, предлагаемые автором меры свидетельствуют о его полном отрыве от жизненных реалий, об абсолютном непонимании произошедших в армии перемен²⁸. Такой способ восприятия действительности мог бы найти объяснение, если бы речь шла о военном специалисте, пусть даже в ранге фемного стратига, которого его прежняя должность не обязывала интеллектуально возвышаться до сфер высшей государственной политики. Известно, что консерватизм мышления отставных армейских командиров, их закомплексованность на реалиях боевой молодости, органическое неприятие новых веяний, идущих вразрез с их корпоративной ментальностью, обладают традициями, историческая глубина которых равномащтабна их вненациональной распространенности. Если даже предположить, как это делает Ж. Дагрон²⁹, что данный пассаж в главе XIX, имеющий характер искусственной вставки, есть воспроизведение мыслей самого Никифора Фоки, которые содержались в его императивной инструкции, переданной “редактору”, то все равно трудно объяснить, почему их явная архаичность не смутила “редактора”, работавшего над трактатом через несколько десятилетий (по мнению Ж. Дагрона, через 30–40 лет³⁰) после получения задания. Представляется, что подобная заскорузлость мышления была бы совершенно необъяснима для функционера масштаба Льва Фоки, вероятного сподвижника Никифора в осуществлении радикальных армейских реформ 960-х годов, после которых возврат к “древним установлениям святых им-

²⁵ Ibid. P. 185.13 – 186.4.

²⁶ *Leo Diac.* Bonn. P. 95.

²⁷ *La traité sur la guérilla.* P. 259.

²⁸ См. также об этом: *Кучма В.В.* Военно-теоретическая мысль // *Культура Византии.* М., 1989. Т. 2. С. 291 и след.

²⁹ *Le traité sur la guérilla.* P. 173, 259–260.

³⁰ Ibid. P. 164.

ператоров”³¹, т.е. к классической схеме фемной военной организации, был исключен полностью.

Мы заканчиваем. Гипотеза Дж. Дэнниса о новой атрибуции “*De velitatione bellica*” перерастает рамки частного предположения, затрагивающего лишь отдельные элементы проблематики трактата. Решение данного вопроса в позитивном смысле означало бы существенную переоценку информационного потенциала сочинения, придание ему дополнительной масштабности и репрезентативности, заметное повышение его общего статуса в традиции памятников военной литературы. В свою очередь, само это решение может быть найдено лишь на путях нового критического переосмысления всего комплекса проблем “*De velitatione bellica*”, а здесь, как мы видели, еще ощущается необходимость в дополнительной аргументации, способной снять возникающие вопросы³². Но в любом случае уже сам факт выдвижения плодотворной научной гипотезы, стимулирующей новые направления научного поиска, следует расценивать как несомненный успех исследователя, делающий честь его творческому потенциалу.

³¹ *De vel. bell.* XIX. P. 240, 21–22.

³² Ограниченный объем настоящей статьи вынуждает нас полностью обойти вопрос о принадлежности автору “*De velitatione bellica*” еще одного военно-исторического сочинения, условно именуемого “*De re militari*” (новейшее изд.: *Three Byzantine Military Treatises*. P. 241 sq.). Этот вопрос являлся дискуссионным на протяжении многих десятилетий; в издании Ж. Дагрона он решен в позитивном смысле (*Le traité sur la guerre*. P. 160, 171 sq.). Не имея сейчас возможности аргументированно разъяснить собственную позицию по данному спорному вопросу, мы намерены специально обратиться к нему в ближайшем будущем.